

для объясненія происхожденія философскихъ идей Аристотеля: оно достаточно выяснено исторіей философіи, которая прекрасно знакомитъ насъ съ логикою философской мысли въ Греціи.

Мысль о заимствованіи греками своихъ лучшихъ идей изъ Св. Писанія Ветхаго Завѣта не новая. Выдуманная александрійскими іудеями, она была подхвачена древне-христіанскими апологетами. Въ новой литературѣ она давно оставлена по причинѣ ея полной неосновательности, хорошо доказанной даже въ русской богословской литературѣ. Авторъ снова вызвалъ эту теорію къ жизни, и это все-же можно бы было поставить ему въ заслугу, если бы онъ собралъ и критически провѣрилъ относящійся сюда обильный матеріалъ, заключающійся въ сочиненіяхъ древнихъ писателей, располагавшихъ множествомъ утраченныхъ нынѣ литературныхъ памятниковъ. Всякую серьезную попытку еще разъ провѣрить сданный въ архивъ вопросъ слѣдуетъ привѣтствовать. Но для этого г. Глаголевъ долженъ бы былъ внимательно изучить сочиненія александрійскихъ іудеевъ и христіанскихъ апологетовъ, извлечь изъ нихъ весь относящійся сюда матеріалъ и отнести къ нему съ строгою критикою. Но къ сожалѣнію мы не находимъ этого въ диссертаци г. Глаголева.

Не мало слабо обоснованныхъ положеній мы находимъ и во второй философской половинѣ сочиненія. Вотъ примѣры.

Вопросъ о свободѣ воли авторъ рѣшаетъ на двухъ страницахъ. Конечно, въ такихъ краткихъ размѣрахъ нельзя освѣтить сколько нибудь удовлетворительно вопросъ столь сложный и запутанный. Этого затрудненія отчасти можно было избѣгать руководясь примѣромъ хорошихъ энциклопедическихъ словарей. Въ послѣднихъ обыкновенно помѣщается конспектъ наиболѣе важныхъ и безспорныхъ выводовъ, добытыхъ литературою предмета. Все спорное, напротивъ, опускается или упоминается съ оговоркой. Мы не можемъ сказать того же о доказательствахъ, приводимыхъ авторомъ въ пользу свободы воли. Почти все въ нихъ спорно. Первое основаніе—сознаніе свободы—не доказываетъ ничего, потому что наличность сознанія свободы признаютъ и детерминисты, но считаютъ его субъективной иллюзіей. Второе основаніе—существованіе нормъ, руководясь которыми

мы не за всѣмъ существующимъ признаемъ право на существованіе,—также не отличается высокой степенью доказательной силы, потому что съ такими нормами мы обращаемся и къ безвольной природѣ: все безобразное, больное и вредное является въ нашихъ глазахъ недолжнымъ. Въ третьихъ, говоритъ авторъ, „если бы не было свободы, тогда не могло бы быть и рѣчи ни объ истинѣ, ни о добрѣ, ни о красотѣ“. Конечно, при отсутствіи свободы нѣтъ добра и нравственности. Но утверждать тоже объ истинѣ и красотѣ можно лишь давая этимъ понятіямъ неправильное опредѣленіе. И дѣйствительно, для полученія желаннаго вывода авторъ опредѣляетъ истину, „какъ совокупность представленій и сужденій, владѣя которыми человѣкъ можетъ поставить себя въ правильныя отношенія къ міру“. На самомъ дѣлѣ истинной мы называемъ соотвѣтствіе мышленія и бытія. То же, что авторъ называетъ истиной, есть ея практическое примѣненіе. Въ своихъ сужденіяхъ о красотѣ авторъ является завзятымъ эстетомъ. „Красота, мы думаемъ, говоритъ онъ, оправдываетъ существованіе міра.... Цѣль бытія указываютъ намъ въ ожидающемъ насъ счастьи. Но возможно-ли счастье безъ красоты и красота не есть-ли уже счастье? Намъ кажется, что на эти вопросы должно отвѣтить положительнымъ образомъ“ (стр. 299). Допустимъ, что счастье и красота одно и тоже, но при чемъ здѣсь свобода воли? Очень часто люди рождаются красивые тѣломъ и одаренные уравновѣшенной, полной гармоніи душой. Далѣе, счастье полагаютъ въ красотѣ только художники и люди съ исключительными и преобладающими эстетическими способностями. Люди съ другимъ психическимъ умственнымъ и нравственнымъ строемъ полагаютъ свое счастье то въ наукѣ, то въ служеніи ближнимъ, то въ аскетическомъ самоусовершенствованіи. Все это на стр. 322—323 признаетъ самъ авторъ и видитъ истинное счастье въ синтезѣ истины, добра и красоты. Отсюда видно, что его выраженіе: „красота оправдываетъ существованіе міра“ (стр. 299)—мы никакъ не должны принимать въ серъезъ.

Г. Глаголевъ возлагаетъ большія надежды въ дѣлѣ обоснованія коренныхъ истинъ философіи на неевклидовскую геометрію. Сомнительные успѣхи философіи онъ объясняетъ тѣмъ, что до послѣдняго времени философы не знали мате-

матики, а кто зналъ математику, тотъ не былъ философомъ. Метагеометрія въ книгѣ г. Глаголева не убѣдила однако насъ въ существованности его надеждъ. Въ пользу метагеометріи можетъ быть и можно привести вѣсскія доказательства, но доказательства автора не отличаются такимъ характеромъ. Его исходной точкой служить признаніе опытнаго происхожденія пространственныхъ воззрѣній и геометрическихъ понятій, но вопросъ о происхожденіи послѣднихъ до настоящаго времени остается въ высшей степени спорнымъ. Въ дальнѣйшихъ сужденіяхъ автора по этому вопросу мы не встрѣчаемъ ничего, кромѣ предположеній и аналогій.

„Согласно XI аксіомѣ Эвклида, рассуждаетъ авторъ, если мы имѣемъ двѣ прямыя, находящіяся въ одной плоскости, изъ каковыхъ прямыхъ одна перпендикулярна третьей, а другая не перпендикулярна, то онѣ при продолженіи пересѣкнутся. Опытъ всегда подтверждалъ какъ это положеніе, такъ и всѣ слѣдующіе изъ него выводы. Но дѣло въ томъ, что опытъ всегда бы подтверждалъ все это, если бы этотъ постулатъ и былъ ошибочнымъ по отношенію къ нѣкоторымъ (т. е. недоступнымъ провѣркѣ) случаямъ. Нашъ постулатъ провѣренъ опытно по отношенію ко всѣмъ угламъ, начиная съ нуля и доходя до 89 съ минутами и сотыми долями секунды. Но все таки между тѣмъ предѣльнымъ угломъ, для котораго онъ былъ провѣренъ, и угломъ 90'', остается еще безконечное число угловъ“. Мы можемъ допустить, что при одномъ изъ этихъ недоступныхъ точной провѣркѣ угловъ прямыя никогда не пересѣкнутся. „Разъ мы это допустимъ, все зданіе геометріи измѣнится“ (267—268). Съ выводомъ, сдѣланнымъ авторомъ, нельзя не согласиться, но на какомъ основаніи мы должны допустить его предположеніе? Въ лучшемъ случаѣ мы должны признать одинаково вѣроятными какъ эвклидовское, такъ и неэвклидовское предположеніе.

„Мы можемъ, продолжаетъ авторъ, составить и написать геометрію четырехъ измѣреній, можемъ предлагать формулы для вычисленія тамъ разстояній между точками“ (стр. 271). Прекрасно. Но мы можемъ составить формулы и для n измѣреній. Почему же существуетъ только четыре пространственныхъ измѣренія, а не неопредѣленное количество ихъ. Возможность составить формулы для четвертаго измѣренія

нисколько не доказываетъ существованія четырехмѣрнаго пространства. Онѣ могли бы пригодиться, если бы четвертое измѣреніе существовало въ дѣйствительности, и больше ничего.

Наконецъ, послѣднее доказательство въ пользу существованія четырехмѣрнаго пространства авторъ находитъ въ неточности всѣхъ нашихъ геометрическихъ чертежей. Если мы начертимъ на земной поверхности треугольникъ, то вслѣдствіе шарообразной формы земли онъ будетъ не прямолинейнымъ, а сферическимъ и слѣдовательно сумма его угловъ будетъ больше двухъ прямыхъ. Поверхность озера кажется намъ плоскостью, которая при продолженіи будетъ тянуться въ безконечность. На самомъ дѣлѣ она замкнется и образуетъ сферу. Если мы проведемъ на земной поверхности двѣ параллельныхъ, онѣ замкнутся сами въ себѣ и пересѣкутся на томъ и другомъ полюсѣ. Все это такъ, но непонятно одно—что во всей этой аргументаціи есть неэвклидовскаго. Все описанное авторомъ должно произойти по принципамъ именно эвклидовой геометріи. Но произойдетъ это только потому, что мы въ дѣйствительности построили совсѣмъ не тѣ геометрическія фигуры, какія хотѣли построить. Возьмемъ примѣръ съ параллельными. Онѣ замкнутся и пересѣкутся только потому, что съ самаго начала онѣ не были ни прямыми, ни параллельными. Если бы онѣ были прямыми, то составили бы собою касательныя и ни та, ни другая не могла бы попасть на полюсь. Если бы онѣ были хотя и не прямыми, но параллельными, и постоянно при продолженіи провѣрялись бы нами въ этомъ своемъ свойствѣ, то образовали бы собою два параллельныхъ непересѣкающихся круга, каковыя обыкновенно и чертятся на учебныхъ глобусахъ. Допустимъ, что когда нибудь будетъ рѣшено и возможно провести желѣзную дорогу вокругъ земного шара. Ужели какимъ то чудомъ рельсы этой дороги вопреки усиліямъ инженеровъ пересѣкутся въ двухъ точкахъ? Неточность геометрическихъ чертежей такимъ образомъ ничего не доказываетъ, потому что въ сущности мы должны реализовать геометрическія фигуры умственно, въ чувственномъ воззрѣніи пространства, а чертежи должны быть только точкою опоры для нашего воображенія, условность и неточность которыхъ постоянно имѣется въ виду.

На основаніи всего сказаннаго, намъ кажется, что авторъ былъ гораздо ближе къ истинѣ, когда въ 1890 году писалъ о метагеометріи: „позволительно думать, что метагеометрія есть лишь фантастическое построеніе, безплодное въ рукахъ тѣхъ, которые думаютъ при помощи ея увидать новое небо и новую землю, а плодотворное лишь у тѣхъ, которые пользуются ею для земныхъ цѣлей“ (Протоколы Совѣта за 1890 г. стр. 177).

Г. Глаголевъ отрицаетъ реальность времени на томъ основаніи, что пропорціональное ускореніе всѣхъ измѣненій въ мірѣ не было бы замѣчено познающимъ субъектомъ. „Такъ оказывается, продолжаетъ онъ, что всю многовѣковую исторію міра можно представить разыгравшеюся въ теченіе секунды времени“ (стр. 266—267). При этомъ секунда казалась бы намъ столь же продолжительной, какъ и тысячелѣтія. Все это совершенно вѣрно, но нисколько не доказываетъ, что времени вовсе нѣтъ (стр. 272), а указываетъ только на относительность нашего измѣренія времени. Сколько бы мы ни ускоряли измѣненій существующихъ въ мірѣ и не дробили такимъ образомъ времени, у насъ всегда будетъ получаться остатокъ, и этотъ остатокъ будетъ распадаться на такія же части, какъ и теперь.

Характеръ слабой обоснованности многимъ страницамъ сообщаетъ пристрастіе автора къ парадоксальному. Сюда относится напр. 383 стр. „Молитвы живыхъ, рассуждаетъ авторъ, улучшаютъ участь умершихъ“. Поэтому „мы должны заботиться о томъ, что будетъ послѣ насъ на землѣ уже ради того, что будетъ съ нами на небѣ.... Въ инстинктивной заботѣ людей о своихъ потомкахъ, намъ кажется, называется это темное чувство зависимости нашего блага отъ блага нашихъ послѣдующихъ поколѣній“. Но нельзя забывать, что такой инстинктъ имѣютъ и животныя.

Другой примѣръ. Авторъ увѣряетъ, что христіанская мораль признаетъ сумасшедшихъ вмѣняемыми, потому что дурное нравственное настроеніе сумасшедшаго имѣетъ свои корни въ состояніи, предшествующемъ болѣзни. Но въ дѣлѣ состояніе, предшествующее болѣзни, слагается а) изъ независимыхъ отъ воли психо-фізіологическихъ явленій и б) изъ нравственныхъ элементовъ, опредѣляемыхъ свободой. Христіанство осуждаетъ человѣка только за то, что является

дѣломъ его свободы. Отсюда ясно, что человекъ не можетъ быть отвѣтственъ, если его болѣзнь произошла отъ независимыхъ отъ воли психофизическихъ причинъ. Тѣмъ болѣе, что самое сумасшествіе часто и состоитъ въ потерѣ нравственной свободы или вслѣдствіе пораженія задерживающихъ центровъ, или вслѣдствіе нарушенія равновѣсія инстинктовъ, или вслѣдствіе отсутствія у больного яснаго пониманія того, что онъ дѣлаетъ.

Несомнѣнное достоинство сочиненія проф. Глаголева составляетъ общій тонъ сердечнаго благочестія, сквозящій на каждой страницѣ, и ревность о неприкосновенности истинъ православной вѣры, проявляющаяся въ горячей защитѣ ихъ противъ всякихъ посягательствъ со стороны враговъ ея. Но иногда, движимый этими чувствами, авторъ является слишкомъ строгимъ къ наукѣ и склоннымъ видѣть недоброе въ такихъ ея выводахъ, которые нисколько не могутъ вредить интересамъ вѣры. Такъ на стр. 208 авторъ говоритъ: „что не христіанянь былъ составителемъ рѣчей Сивиллы, что безусловно не согласно было бы съ духомъ христіанъ первыхъ вѣковъ такимъ образомъ пропагандировать свое ученіе, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи“ (стр. 208). Но говорить подобныя вещи значитъ прямо не соглашаться съ очевиднымъ. Интерполяцію и поддѣлку памятниковъ авторъ называетъ безусловно несогласною съ духомъ христіанъ первыхъ вѣковъ. Между тѣмъ и въ первые вѣка христіане были всякіе. Если при жизни ап. Павла былъ кровосмѣсникъ, то почему не могло быть фальсификатора? Среди христіанъ было далѣе много еретиковъ, относившихся къ нравственнымъ требованіямъ свободнѣе, чѣмъ члены церкви, и прославившихся своими подлогами. Къ тому же не всегда можно судить о нравственномъ достоинствѣ поступковъ людей отдаленной эпохи съ точки зрѣнія современныхъ понятій. Литературныя нравы того времени были не похожи на наши, и что теперь считается предосудительнымъ, тогда признавалось безразличнымъ. Уже по одному этому мы не должны судить христіанскихъ сивиллистовъ слишкомъ строго. Все это показываетъ, какъ опасно въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи извѣстнаго литературнаго памятника ограничиваться отвлеченными соображеніями и взвѣшиваніемъ возможностей, вмѣсто того, чтобы изучать самый текстъ.

Доказано съ несомнѣнностью, что нѣкоторые стихи 5 кн. (137гг. 215гг. 362гг), кн. 6 и 7 и стихи 217 — 250 восьмой книги съ акростихомъ: *Ἰησοῦς Χριστός (sic) Θεοῦ υἱὸς ἀσπῆρ σταυρός* принадлежать перу христіанъ.

Особенность диссертациі проф. Глаголева сравнительно съ другими учеными сочиненіями состоитъ въ отсутствіи цитатъ. Авторъ цитуетъ почти одно Св. Писаніе. Если и встрѣчаются у него цитаты, то по большей части въ тѣхъ мѣстахъ сочиненія, которыя заимствованы изъ какого нибудь пособія (стр. 177—182; 205). Въ этомъ случаѣ, по указанію самого автора, цитаты принадлежать тѣмъ писателямъ, мнѣнія которыхъ г. Глаголевъ воспроизводитъ. Самъ авторъ по большей части называетъ только имена, но не сочиненія. Иногда указываются и заглавія сочиненій, даже томы, но отсутствуютъ указанія на страницу и годъ изданія книги (стр. 327. 335). Конечно, въ диссертацияхъ подстрочныя примѣчанія съ перечисленіемъ литературы очень часто искусственно умножаются и это производитъ непріятное впечатленіе или педантизма или преднамѣренности. Съ этой точки зрѣнія отношеніе автора къ цитатамъ можно разсматривать въ качествѣ реакціи противъ такого злоупотребленія. Но все же мы должны сознаться, что въ своей реакціи авторъ заходитъ слишкомъ далеко. При отсутствіи цитатъ читатель, имѣющій добрую привычку относиться къ книгамъ съ критическою осторожностью, почувствуетъ себя неудовлетвореннымъ. Мы отмѣтили въ книгѣ г. Глаголева нѣсколько случаевъ неправильнаго истолкованія историческихъ свидѣтельствъ. Подобное явленіе дѣлаетъ въ нѣкоторой степени подозрительными и другіе факты, приводимые авторомъ въ защиту своихъ мнѣній, и вызываетъ естественное желаніе провѣрить ихъ. Укажемъ нѣсколько примѣровъ. На стр. 191 въ ковычкахъ приводится буквальная выдержка, въ которой излагаются религіозныя представленія персовъ о паденіи первыхъ людей, но безъ упоминанія объ источникѣ. На цѣлыхъ четырехъ страницахъ (162—166) приводится буквальный отрывокъ, заимствованный изъ халдейскаго генезиса. Но кѣмъ изданъ этотъ памятникъ и какимъ изданіемъ пользуется авторъ, для читателя остается секретомъ. На стр. 168 приводятся буквальныя изреченія египетской мудрости, свидѣтельствующія о высокихъ нравственныхъ понятіяхъ егип-

тянь. Но опять, не встрѣчая указанія источника, которымъ пользовался авторъ, мы принуждены вѣрить ему на слово. На стр. 216 мы читаемъ: „Ренанъ очень наивно называетъ рѣчи александрійской сивиллы дензмомъ“, а на стр. 188: „Ренанъ въ своей „исторіи народа израильскаго“ даже предполагаетъ, что персы вліяли на вавилонянъ и чрезъ вавилонянъ на евреевъ. Выходить, что преемники вліяли на предшественниковъ, дѣти на отцовъ. Ассириовавилонская культура сказала свое послѣднее слово, когда начала говорить Персія“. Какъ ни смотрѣть на Ренана, а нужно сознаться, что онъ—крупная величина. Поэтому, когда Ренану приписываютъ наивность и грубыя ошибки противъ хронологіи, у насъ является естественное желаніе удостовѣриться въ основательности этого. Между тѣмъ въ первомъ случаѣ г. Глаголевъ не указываетъ сочиненія, а во второмъ страницы.

Вызываетъ на возраженія также и общая мысль книги. Диссертация проф. Глаголева представляетъ собою такъ сказать историко-философскій комментарий на первыя главы посл. ап. Павла къ Римлянамъ. По слову апостола, всѣ люди—іудеи и язычники—безотвѣтны предъ Богомъ (I. 20). Г. Глаголевъ разсматриваетъ въ своей книгѣ вопросъ, какимъ образомъ безотвѣтными предъ Богомъ могутъ быть не только люди, пользовавшіеся Откровеніемъ въ Словѣ Божіемъ, но и язычники, для которыхъ откровеніе повидимому не было доступно. Отвѣтъ на этотъ вопросъ въ диссертации дается оригинальный, отклоняющійся отъ принятыхъ въ современной богословской наукѣ способовъ его разрѣшенія. Язычники, по мнѣнію проф. Глаголева, безотвѣтны предъ Богомъ не потому, что при свѣтѣ своего разума могли придти къ мысли о Единомъ Богѣ, а повинуюсь голосу совѣсти выработать болѣе чистыя нравственныя правила, т. е. не потому, что въ предѣлахъ возможнаго для нихъ они не осуществили началъ благочестія и нравственности, а потому, что въ Ветхомъ Завѣтѣ не сдѣлались іудейскими прозелитами, а въ Новомъ не присоединились къ православной Церкви. Авторъ утверждаетъ, что естественныя силы человека не могли дать ему идеи о Единомъ Богѣ и добрыхъ нравственныхъ правилъ (стр. 30). Значеніе естественнаго богопознанія онъ ограничиваетъ только тѣмъ, что оно возбуж-

даетъ въ язычникѣхъ недовольство его религіей и нравственнымъ состояніемъ, возбуждаетъ въ немъ какое-то темное стремленіе, которое побуждаетъ его искать сверхъестественнаго откровенія. На встрѣчу этому стремленію и идетъ сверхъестественное откровеніе. Миссіонерскій характеръ христіанства не требуетъ доказательствъ. Но авторъ ставитъ своею задачею показать, что „и ветхозавѣтное откровеніе, которое было дано богоизбранному народу, было дано не для одного этого народа, но и для всего человѣчества“ (стр. 157). Такимъ образомъ, языческій міръ виновенъ предъ Богомъ потому, что, имѣя нужду сверхъестественнаго откровенія, не искалъ его, и когда оно ему предлагалось, не принималъ его (стр. 19. 37).

Противъ такого рѣшенія поставленнаго вопроса прежде всего напрашивается то возраженіе, что оно стоитъ въ рѣшительномъ противорѣчій съ 1 и 2 гл. посл. къ Римл. Ап. Павелъ ясно говоритъ здѣсь о томъ, что вѣчная сила Бога видима чрезъ разсматриваніе твореній и что дѣло закона написано въ сердцѣ человѣка, т. е. именно то, что отрицаетъ авторъ. Таково обычное пониманіе 1 и 2 гл. посл. къ Римлян. Проф. Глаголевъ не соглашается съ нимъ. „Мы думаемъ, пишетъ онъ, что мысль апостола такова, что разсматриваніе природы и изученіе собственной души должно утверждать людей въ томъ представленіи о Богѣ, какое дано имъ было отначала“ (стр. 32). Здѣсь есть въ словахъ г. Глаголева нѣкоторая неясность, но очевидно подъ откровеніемъ, даннымъ „отъ начала“, онъ разумѣетъ первобытное сверхъестественное откровеніе. Отъ автора, высказывающаго своеобразное толкованіе св. текста, мы въ правѣ были бы ожидать по крайней мѣрѣ обоснованія этого толкованія. Между тѣмъ, г. Глаголевъ посвящаетъ этому предмету только половину страницы и даже не даетъ себѣ труда указать, въ какихъ именно словахъ ап. Павла выражена мысль о первобытномъ сверхъестественномъ откровеніи.

Отклонившись отъ мысли ап. Павла, авторъ принялъ на себя задачу поистинѣ неблагодарную. Признаніе мысли, что при помощи естественной познавательной силы и внушеній совѣсти человѣкъ можетъ придти къ истинному богопочтенію и выработать принципы нравственности, влечетъ за собою естественный выводъ, что всякій человѣкъ, отступив-

шій отъ доступной ему по природѣ степени богопознанія и чистоты нравственности, дѣйствительно безотвѣтенъ. Природа у всѣхъ одинакова. Minimum средствъ избѣжать осужденія принадлежитъ всѣмъ и поэтому всѣ въ отношеніи къ нему находятся въ равныхъ условіяхъ. Гораздо труднѣе доказать безотвѣтностъ всѣхъ людей съ той точки зрѣнія, какую принялъ авторъ. Если для элементарнаго богопознанія не достаточно естественныхъ силъ человѣка, а нужно еще сверхъестественное откровеніе, то всѣ, до кого не достигала проповѣдь о Богѣ Израилевѣ, являются уже не безотвѣтными предъ Богомъ, потому что ихъ незнаніе откровенія зависѣло не отъ нихъ. Но доказать, что ветхозавѣтное откровеніе было доступно и извѣстно всѣмъ людямъ, есть задача невыполнимая. Мы уже видѣли слабость многихъ основаній, приводимыхъ авторомъ въ защиту этого положенія. Но даже если мы признаемъ неопровержимыми всѣ основанія автора, то и въ такомъ случаѣ основная мысль его книги не можетъ быть признана доказанной. Онъ самъ ставитъ такія ограниченія, при которыхъ становится очевиднымъ, что ветхозавѣтная религія дѣлалась извѣстной далеко не всѣмъ людямъ. Авторъ указываетъ сомнительные слѣды знакомства съ истинами сверхъестественнаго откровенія только у культурныхъ народовъ древности и только у ихъ высшихъ классовъ. Какъ же послѣ этого считать безотвѣтными миллионы людей, родившихся среди некультурныхъ народовъ и среди классовъ, давно утратившихъ всякое воспоминаніе объ истинахъ первобытнаго откровенія и никогда не слышавшихъ о народѣ Израильскомъ?

Мы не можемъ согласиться съ основною мыслию первой части сочиненія г. Глаголева, съ его отрицаніемъ возможности естественнаго богопознанія и признаніемъ всеобщей распространенности сверхъестественнаго откровенія. Но несогласіе съ мыслью, защищаемой въ книгѣ, никогда не должно заслонять ея достоинствъ.

До сихъ поръ мы отмѣчали недостатки книги проф. Глаголева и тѣ страницы ея, которыя мы должны были признать мало убѣдительными и слабо обоснованными. Теперь мы должны указать тѣ ограниченія, съ которыми должны быть принимаемы наши замѣтки объ отрицательной сторонѣ книги проф. Глаголева.

Во первыхъ, о недостаткахъ книги мы говорили слишкомъ долго, но не потому, что недостатки въ ней преобладають, а потому, что въ каждомъ данномъ случаѣ мы старались подробно мотивировать свое мнѣніе.

Во вторыхъ, наши замѣтки касаются почти исключительно частныхъ книги. Но по самому характеру диссертациі проф. Глаголева мы не должны быть слишкомъ строги и требовательны по отношенію къ ея частнымъ недостаткамъ. Представляющій на соисканіе ученой степени какое-нибудь монографическое изслѣдованіе всегда оказывается въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, чѣмъ авторъ труда, о которомъ мы говоримъ. Кто работаетъ надъ какимъ-нибудь однимъ вопросомъ, тотъ имѣетъ предъ собою узкій кругъ изслѣдованія и потому для него сравнительно легко освѣтить изучаемый вопросъ полно и всесторонне. Не трудно для него овладѣть и всею литературою вопроса. Въ совершенно другомъ положеніи находился г. Глаголевъ. Его диссертациія представляетъ собою не монографическое изслѣдованіе, а цѣлый кругъ христіанской апологетики съ присоединеніемъ довольно обширной главы по обличительному богословію. Такой трудъ требовалъ познаній самыхъ обширныхъ и разнообразныхъ. Для первой части диссертациі необходимы были основательныя знанія въ Священномъ Писаніи, библейской исторіи, исторіи востока и восточныхъ религій, древней философіи и греко-римскаго быта. Задачи второй части сочиненія переносили автора отъ наукъ историческихъ въ совершенно новую сферу: для составленія этой части ему необходимы были обширныя познанія въ исторіи новой философіи, въ естествовѣдѣніи и математикѣ, въ психологіи. Наконецъ, заключительная глава требовала отъ него познаній въ сравнительномъ и обличительномъ богословіи. Каждая изъ этихъ наукъ, каждый вопросъ, относящійся къ нимъ, имѣетъ огромную литературу, а литература по всѣмъ этимъ отраслямъ знанія прямо—таки неизмѣрима. Поэтому овладѣть всею массою этого научнаго матеріала представляется совершенно невозможнымъ. Отсюда вполнѣ понятны и извинительны отмѣченные нами частныя промахи и пробѣлы въ диссертациі г. Глаголева. Тою же причиною отчасти объясняется и слабая обоснованность многихъ выводовъ, къ которымъ приходитъ авторъ. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы вмѣ-

стить въ объемѣ своей книги отвѣты на всѣ затронутые вопросы, автору приходилось быть краткимъ и болѣе намѣчать рѣшеніе вопросовъ, чѣмъ развивать его въ подробностяхъ. Если бы авторъ могъ входить въ подробности, мы не сомнѣваемся, что его взгляды получили бы болѣе твердости, и многія недоумѣнія читателя устранились бы сами собой.

Недостатки книги г. Глаголева, какъ мы сказали понятные и извинительные въ сочиненіи подобнаго рода, восполняются также положительными сторонами книги.

1) Въ число достоинствъ сочиненія мы должны прежде всего поставить ту его особенность, которая отчасти была виновницею нѣкоторыхъ изъ отмѣченныхъ нами недостатковъ. Мы разумѣемъ то, что книга представляетъ собою не монографію, а курсъ. Монографія—преобладающая форма научныхъ работъ за послѣднее время. Между тѣмъ въ курсахъ ощущается серьезный недостатокъ. Книга проф. Глаголева восполняетъ этотъ пробѣлъ.

2) Въ своей книгѣ проф. Глаголевъ проявилъ выдающееся знаніе текста Св. Писанія, своеобразность и оригинальность его пониманія, остроуміе и находчивость въ сближеніи такихъ библейскихъ данныхъ, которыя съ перваго взгляда представляются совершенно чуждыми другъ другу. Такихъ сближеній нельзя не признать иногда очень удачными.

3) Въ особую заслугу автора нужно поставить знакомство его съ естественными науками и умѣнье пользоваться ими въ цѣляхъ апологетики. Въ настоящее время философія не пользуется большимъ кредитомъ. Ее упрекаютъ въ шаткости выводовъ и отсутствіи твердыхъ методовъ. Наоборотъ, современная мысль отличается особеннымъ пристрастіемъ къ естествовѣдѣнію и аргументаціи, опирающейся на экспериментальныхъ данныхъ. Апологетика болѣе, чѣмъ всякая другая наука, должна считаться съ особенностями наличнаго состоянія умовъ для того, чтобы имѣть для защиты христіанскихъ истинъ нѣкоторыя общепризнаваемые положенія. Г. Глаголевъ руководится такимъ именно методомъ и очень удачно пользуется для своей цѣли фактами, установленными физикой, химіей, палеонтологіей и другими естественными науками.

4) Важное достоинство книги составляетъ также ея пре-

имущественно положительный характеръ. Авторъ не столько опровергаетъ мнѣніе противниковъ христіанства, сколько излагаетъ и философски обосновываетъ положительное ученіе церкви. Для выполненія такой задачи всегда требуется болѣе ума и таланта, чѣмъ для простой критики. Для этого требуется также цѣлостное и стройное міросозерцаніе. Все это мы и находимъ въ книгѣ г. Глаголева. Въ практическомъ отношеніи подобныя книги гораздо полезнѣе критическихъ изслѣдованій, потому что могутъ быть хорошими пособіями для преподавателей семинаріи.

5) Наконецъ, не можемъ не сказать о талантливости изложенія. Языкъ и стиль, которыми написана книга, не чуждые по мѣстамъ искусственности и слѣдовъ усилія, въ общемъ отличаются большими литературными достоинствами и дѣлаютъ чтеніе книги легкимъ и пріятнымъ.

Перечисленныя достоинства диссертации г. Глаголева даютъ право признать ея автора достойнымъ степени доктора богословія.“

Справка: 1) По § 142 устава духовныхъ академій, „степени доктора богословія, равно какъ церковной исторіи и церковнаго права, удостоиваются магистры богословія безъ устнаго испытанія, по представленіи напечатанной диссертации или сочиненія, хотя бы и написаннаго не съ цѣлію полученія ученой степени“. 2) Экстраординарный профессоръ Сергѣй Глаголевъ утверждень въ степени магистра богословія, согласно удостоенію Совѣта Московской Духовной Академіи, указомъ Святѣйшаго Синода отъ 18 мая 1896 года за № 60. 3) По § 81 лит. в. п. 6 того же устава удостоеніе степени доктора значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ, чрезъ Епархіальнаго Преосвященнаго, на утвержденіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ введенія въ кругъ богословскихъ наукъ Сергѣя Глаголева въ ученой степени доктора богословія. 2) Представить Его Высокопреосвященству одинъ экземпляръ, а въ Святѣйшій Синодъ десять экземпляровъ диссертации профессора Глаголева и копии съ отзывовъ о ней экстраординарныхъ профессоровъ Академіи Василия Мышцына и Ивана Попова.

V. Представленіе редакціи академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ“:

„Во исполненіе резолюціи Его Высокопреосвященства на журналѣ Совѣта отъ 12 окт. 1899 года, редакція „Богословскаго Вѣстника“ имѣеть честь представить при семъ Совѣту отчетъ объ израсходованіи суммы въ размѣрѣ трехъ тысячъ рублей, ассигнованной Его Высокопреосвященствомъ на издательское дѣло Академіи.

Изъ прилагаемаго при семъ отчета видно, что въ теченіи 1900-го года редакціей были изданы четвертый томъ твореній Св. Ефрема Сирина и первый, второй и третій томы твореній Св. Василия Великаго,—каждый томъ въ 2000 экземпляровъ,—при чемъ на изданіе этихъ томовъ было израсходовано всего 2977 руб. 27 коп.

Принося Его Высокопреосвященству глубокую благодарность за отечески-милостивую помощь издательскому дѣлу Академіи, редакція „Богословскаго Вѣстника“ вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше проситъ Совѣтъ Академіи,—въ виду настоятельныхъ ея нуждъ, объясненныхъ въ особомъ докладѣ при журналѣ Совѣта отъ 12 окт. 1899 года,—ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о дарованіи субсидіи и на текущій 1901 годъ въ томъ же размѣрѣ, какъ и въ прошломъ году. Если Его Высокопреосвященству благоугодно будетъ продлить свое милостивое вниманіе къ издательскимъ нуждамъ Академіи, то редакція „Богословскаго Вѣстника“ предполагаетъ въ текущемъ 1901-мъ году продолжать изданіе твореній Св. Василия Великаго“ и Св. Ефрема Сирина и приступить къ новому изданію твореній Св. Аванасія Александрійскаго, давно уже не имѣющихся въ продажѣ“.

Справка: На журналѣ собранія Совѣта Академіи 12 октября 1899 года послѣдовала таковая резолюція Его Высокопреосвященства: „1899 г. Окт. 25. По ст. III. Согласенъ выдавать изъ суммъ Перервинскаго монастыря субсидію на издательское дѣло Академіи съ 1900 года, но съ тѣмъ, чтобы по истеченіи каждаго года Совѣтъ Академіи, съ представленіемъ отчета въ израсходованныхъ деньгахъ, входилъ съ новымъ ходатайствомъ. На 1900-й годъ редакція „Богословскаго Вѣстника“ имѣеть получить 3000 рублей“...

Опредѣлили: 1) Принося Его Высокопреосвящен-

ству глубокою благодарностью за милостивую и щедрую поддержку, оказанную издательскому дѣлу Академіи, и одобряя предположенія редакціи „Богословскаго Вѣстника“ относительно дальнѣйшаго переизданія святоотеческихъ твореній, почтительнѣйше ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о дарованіи на текущій 1901-й годъ субсидіи изъ суммъ Перервинскаго монастыря въ томъ же размѣрѣ (3000 р.), какъ и въ минувшемъ 1900-мъ году. 2) Копію отчета по переизданію святоотеческихъ твореній за 1900-й г. представить при журналѣ настоящаго собранія Его Высокопреосвященству.

VI. а) Отношеніе Правленія Виѣанской духовной семинаріи отъ 15 февраля за № 80 съ увѣдомленіемъ о томъ, что помощникъ бібліотекаря Академіи, кандидатъ богословія, Василій *Протопоповъ* приказомъ Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 11 января текущаго 1901 года назначенъ на должность преподавателя словесности и исторіи русской литературы въ Виѣанскую духовную семинарію, и съ просьбою выслать документы г. Протопопова.

б) Прошенія:

1) кандидата Московской Духовной Академіи выпуска 1898 года Сергѣя *Крылова*: „Желая поступить на освободившееся мѣсто помощника бібліотекаря Академіи, покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи предоставить мнѣ означенное мѣсто. При семъ заявляю, что согласенъ служить въ продолженіи трехъ лѣтъ“.

2) дѣйствительнаго студента Академіи выпуска 1899 года Виктора *Соколова*: „Покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство, если Вы найдете это удобнымъ, предоставить мнѣ мѣсто помощника бібліотекаря во ввѣренной Вамъ Академіи, освободившееся за уходомъ В. П. Протопопова. Мною оконченъ курсъ въ Московской Духовной Академіи со званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ полученія степени кандидата по представленіи сочиненія. Сочиненіе это въ настоящее время мною уже представлено на разсмотрѣніе профессора В. О. Ключевскаго“.

3) кандидата Московской Духовной Академіи выпуска 1900 года, нынѣ профессорскаго стипендіата Академіи, Александра *Платонова*: „Честь имѣю просить Совѣтъ Академіи назначить меня на освободившееся мѣсто помощника библи-

ліотекаря при фундаментальной бібліотекѣ Академіи. Даю обязательство въ интересахъ бібліотечнаго дѣла прослужить въ означенной должности три года“.

4) кандидата Московской Духовной Академіи выпуска 1900 года Петра *Протопопова*: „Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи назначить меня на освободившуюся должность помощника бібліотекаря Академіи. При семь до свѣдѣнія Совѣта осмѣливаюсь довести нижеслѣдующее. Будучи студентомъ, я въ теченіи трехъ лѣтъ состоялъ бібліотекаремъ студенческой бібліотеки и для этой послѣдней мною единолично былъ составленъ заново полный систематическій каталогъ книгъ по образцу каталоговъ фундаментальной бібліотеки. Бібліотечное дѣло такимъ образомъ знакомое мнѣ и при томъ любимое мною. Прося Совѣтъ Академіи о назначеніи меня на указанную должность, я, кромѣ того, имѣю въ виду свои дальнѣйшія научныя занятія, для которыхъ Академическая бібліотека мнѣ необходима. Ко всему этому осмѣливаюсь присовокупить, что въ случаѣ, если бы Совѣтъ Академіи нашелъ возможнымъ удовлетворить мою просьбу, я своей должности не оставилъ бы ранѣе пяти лѣтъ по меньшей мѣрѣ: меня на ней удерживали бы любовь къ тому дѣлу, котораго теперь ищу, и необходимость пользованія бібліотекой.“

Справка: 1) По произведенной баллотировкѣ оказался избраннымъ единогласно на должность помощника бібліотекаря кандидатъ Академіи выпуска 1898 года Сергѣй Крыловъ, приказомъ Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 8 февраля 1901 года назначенный на должность учителя русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ старшіе классы Новгородсѣверскаго духовнаго училища (ст. II настоящаго журнала). 2) Телеграммою отъ 15 марта О. Предсѣдатель-Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ увѣдомилъ Преосвященнаго Ректора Академіи, что препятствій со стороны Центральнаго Управленія къ перемѣшенію кандидата Крылова на должность помощника бібліотекаря Академіи не имѣется. 3) По § 81 лит. б. п. 4 устава духовныхъ академій избраніе кандидатовъ на должность помощника бібліотекаря Академіи значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высочайшему Священству объ утвержденіи кандидата Сергѣя Крылова исправляющимъ должность помощника бібліотекаря Академіи.

VII. Отношеніе Г. Непремѣннаго Секретаря Императорской Академіи Наукъ отъ 20 февраля за № 237: „Вслѣдствіе отношенія отъ 10 января сего года за № 11 имѣю честь сообщить Совѣту Московской Духовной Академіи, что по докладѣ Историко-филологическому Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ ходатайства о продленіи профессору Заозерскому еще на три мѣсяца, т. е. до 1-го апрѣля сего года, срока пользованія грузинскою рукописью Азіатскаго музея за № 103 (Номоканонъ Св. Евѳимія), Конференція положила это ходатайство удовлетворить“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VIII. Отношеніе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ отъ 19 февраля за № 200: „Вслѣдствіе отношенія Совѣта Академіи отъ 10 января сего года за № 13, Общество препровождаетъ вмѣстѣ съ симъ двѣ принадлежащія Обществу рукописи за №№ 200 и 214, для занятій г. Платонова, покорнѣйше прося не выдавать ихъ для занятій внѣ предназначеннаго для сего помѣщенія въ зданіи Академіи.

Опредѣлили: Предоставить профессорскому стипендіату Академіи А. Платонову изучать присланныя рукописи въ фундаментальной академической бібліотекѣ, куда и сдать ихъ подъ росписку бібліотекаря.

IX. Записки профессоровъ и преподавателей Академіи В. Соколова, А. Бѣляева, А. Шостынина, С. Глаголева, А. Спасскаго, Е. Воронцова и бібліотекаря Академіи К. Попова о выпискѣ книгъ, которыя они желаютъ приобрести для академической бібліотеки.

Опредѣлили: Поручить бібліотекарю Академіи К. Попову выписать для академической бібліотеки, по справкѣ съ ея наличностью, означенныя въ запискахъ книги и о послѣдующемъ представить Правленію Академіи.

X. Разсуждали о назначеніи премій изъ процентовъ съ капитала покойнаго Высочайшеосвященнаго Митрополита Московскаго Макарія за лучшіе печатные труды наставниковъ Ака-

демі и лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи.

Справка: 1) Въ настоящее время въ распоряженіи Совѣта Академіи имѣются четыре преміи изъ процентовъ съ капитала Высокопреосвященнаго Митрополита Макарія: двѣ, по 485 р. каждая,—за лучшіе печатные труды наставниковъ Академіи и двѣ,— по 291 р. каждая,—за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи. 2) Въ собраніи Совѣта Академіи 31 января текущаго года на соисканіе преміи въ 485 рублей представлено было сочиненіе экстраординарнаго профессора Академіи Сергѣя *Глаголева* подъ заглавіемъ: „Сверхъестественное Откровеніе и естественное Богопознаніе внѣ истинной церкви“, Харьковъ, 1900 г.—Въ томъ же собраніи къ соисканію премій въ 291 р. допущены диссертациі магистровъ богословія Николая *Боголюбова* и Павла *Лутова*. 3) Правиль о присужденіи премій Митрополита Московскаго Макарія, утвержденныхъ Святѣйшимъ Синодомъ,—а) п. 13: „Черезъ два мѣсяца послѣ январскаго засѣданія Совѣта, въ мартовскомъ засѣданіи происходитъ обсужденіе достоинства представленныхъ на премію сочиненій и присужденіе самыхъ премій“; б) п. 15: „Въ томъ же засѣданіи Совѣта рѣшается вопросъ, какое изъ сочиненій, написанныхъ на степень магистра, заслуживаетъ преміи“; в) п. 16: „Означенныя постановленія Совѣта, на основаніи § 81 лит. б академическаго устава, представляются на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго“.

Опредѣлили: 1) Одну премію изъ процентовъ съ капитала покойнаго Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго Макарія въ 485 р.—за лучшіе печатные труды наставниковъ Московской Духовной Академіи, — назначить экстраординарному профессору Академіи Сергѣю *Глаголеву*; другую—въ 291 р.—за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи—преподавателю Нижегородскаго епархіальнаго женскаго училища Николаю *Боголюбову* за сочиненіе: „Теизмъ и пантеизмъ. Опытъ выясненія логическаго взаимоотношенія данныхъ системъ“. Нижній Новгородъ, 1899 г. 2) Назначеніе остальныхъ двухъ премій,—въ 485 р. и 291 р.—отложить до слѣдующаго года. 3) Постановленія сіи представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

XI. По случаю приближающагося окончанія учебнаго года разсуждали о *вызовъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій въ составъ новаго (LX) академическаго курса и о назначеніи предметовъ повѣрочнаго испытанія.*

Справка: 1) § 109 устава духовныхъ академій: „Совѣтъ Академіи предъ началомъ академическаго года, по расчисленіи, сколько изъ какой семинаріи предполагается нужнымъ вызвать лучшихъ воспитанниковъ въ составъ новаго академическаго курса, представляетъ, въ опредѣленномъ по § 81 порядкѣ, Святѣйшему Синоду о вызовѣ таковыхъ въ Академію и вмѣстѣ съ симъ объявляетъ объ имѣющемъ быть приѣмѣ въ Академію для желающихъ поступить въ оную“. 2) По опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 4 мая—3 іюня 1887 года для каждаго курса Академіи положено по 30 казенныхъ вакансій. 3) По § 81 лит. а п. 1 устава духовныхъ академій „назначеніе предметовъ повѣрочнаго испытанія при приѣмѣ въ студенты Академіи“ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: 1) Въ составъ новаго академическаго курса вызвать на казенный счетъ изъ семинарій: Рязанской, Тульской и Ярославской—по два воспитанника изъ каждой; изъ Виѣанской, Владимірской, Вологодской, Воронежской, Калужской, Костромской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Смоленской, Тамбовской, Тифлиской, и Харьковской — по 1-му воспитаннику изъ каждой, всего 20 воспитанниковъ, а остальные 10 вакансій предоставить волонтерамъ. 2) Предназначеніе сіе представить установленнымъ порядкомъ на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода. 3) Объ имѣющемъ быть приѣмѣ въ Академію для желающихъ поступить въ оную напечатать объявленіе въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, издаваемыхъ при Святѣйшемъ Синодѣ. 4) Устные испытанія произвести въ началѣ будущаго учебнаго года по Священному Писанію Новаго Завета, основному богословію, греческому языку и одному изъ новыхъ языковъ, по выбору экзаменующихся; для письменныхъ упражненій дать три темы: по догматическому богословію, литургикѣ и психологии.

На семь журналѣ резолюція Его Высочайшаго Преосвященства „1901 г. Марта 31. По ст. IV. Согласенъ ходатайствовать объ

удостоеніи профессора Глаголева степени доктора богословія.—По ст. V. Субсидія въ 3000 рублей изъ суммъ Перервинскаго монастыря на изданіе Святоотеческихъ твореній разрѣшается и на 1901-й годъ.—По ст. VI. Кандидатъ Академіи Сергѣй Крыловъ утверждается исправляющимъ должность помощника бібліотекаря Академіи.—Прочее читано и утверждается“.

24 апрѣля 1901 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Арсенія, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи Архимандритъ Евдокимъ и члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоръ: В. Ключевскаго, М. Муретова, А. Введенскаго и И. Андреева, не присутствовавшихъ по болѣзни.

Слушали: I. Сообщенный, въ копіи, Правленіемъ Виѣанской духовной семинаріи при отношеніи отъ 21 апрѣля 1901 года за № 173 указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 6 апрѣля за № 2215:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 5 января 1901 года за № 7, по ходатайству Совѣта Московской Духовной Академіи объ утвержденіи преподавателя Виѣанской духовной семинаріи, кандидата богословія, Димитрія *Введенскаго* въ степени магистра богословія за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Ученіе Ветхаго Завѣта о грѣхѣ“, и 2) отзывъ о названномъ сочиненіи Преосвященнаго Холмска-Варшавскаго, отъ 19 минувшаго марта. Приказали: Преподавателя Виѣанской духовной семинаріи, кандидата богословія, Димитрія Введенскаго, удостоеннаго Совѣтомъ Московской Духовной Академіи степени магистра богословія за вышеупомянутое сочиненіе, утвердить, согласно ходатайству Вашего Преосвященства и отзыву Преосвященнаго Холмска-Варшавскаго, въ таковой степени: о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

На подлинномъ надпись Его Высокопреосвященства „1901 г. Апр. 11. Въ правленіе Виѣанской духовной семинаріи“.

Опредѣлили: Изготовить для преподавателя Виѣанской духовной семинаріи Дмитрія Введенскаго магистерскій дипломъ и выслать его по принадлежности.

II. Сданное Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1901 г. Апрѣля 7. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“ — отношеніе на имя Его Высокопреосвященства Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 29 марта за № 2531:

„Отношеніемъ отъ 2 декабря минувшаго года за № 710 Ваше Высокопреосвященство ходатайствовали о назначеніи бывшему лектору нѣмецкаго языка при Московской духовной академіи, Коллежскому Совѣтнику Василию *Лучинину*, за 30-лѣтнюю службу его при академіи, пенсіи въ размѣрѣ полного оклада производившагося ему по должности содержанія.

Святѣйшій Синодъ, на благоусмотрѣніе котораго предложено было мною означенное ходатайство Вашего Высокопреосвященства, опредѣленіемъ отъ 27 февраля — 13 марта 1901 года за № 777, постановилъ назначить Лучинину, въ видѣ изъятія изъ общихъ правилъ, пенсію въ размѣрѣ полного оклада производившагося ему содержанія, т. е. по *шестьсотъ рублей* въ годъ, съ производствомъ таковой пенсіи съ 14 ноября 1900 года, со дня расчета его жалованьемъ.

Объ изложенномъ долгомъ поставляю увѣдомить Васъ, Милостивый Государь и Архипастырь, вслѣдствіе упомянутаго отношенія за № 710, присовокупляя, что зависящее распоряженіе о производствѣ Лучинину пенсіи будетъ сдѣлано по Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

III. Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на журналѣ собранія Совѣта 8 марта текущаго года: „1901 г. Марта 31. По ст. IV. Согласенъ ходатайствовать объ удостоеніи профессора Глаголева степени доктора богословія.—По ст. V. Субсидія въ 3000 рублей изъ суммъ Перервинскаго монастыря на изданіе Святоотеческихъ твореній разрѣшается и на 1901 годъ.—По ст. VI. Кандидатъ Академіи Сергѣй Крыловъ утверждается исправляющимъ должность помощника бібліотекаря Академіи.—Прочее читано и утверждается“.

Опредѣлили: 1) Резолюцію Его Высокопреосвященства сообщить лицамъ, коихъ она касается, Правленію Академіи и редакціи академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ“—для зависящихъ распоряженій. 2) Объ утвержденіи кандидата Сергѣя Крылова исправляющимъ должность помощника бібліотекаря Академіи сообщить (и общено) въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ.

IV. Благодарственныя письма Почетныхъ Членовъ Академіи:

а) *Преосвященнѣйшаго Никандра, Епископа Симбирскаго и Сызранскаго* отъ 24 марта за № 131: „Честь имѣю увѣдомить Совѣтъ Духовной Академіи, что препровожденный ко мнѣ дипломъ на званіе Почетнаго Члена Московской Духовной Академіи отъ 5 декабря 1900 года, за № 444, мною полученъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ принимаю сіе почетное званіе и приношу мою глубочайшую благодарность Совѣту Академіи за честь, которая особенно для меня дорога, какъ оказанная отъ родной мнѣ, воспитавшей меня Академіи“.

б) *Преосвященнѣйшаго Никодима (Милаша), Епископа Далматинскаго и Истрійскаго*, отъ 5 апрѣля: „Я имѣлъ честь получить почетное письмо Совѣта Академіи отъ 7 февраля сего года № 31, которымъ препровожденъ мнѣ дипломъ на званіе Почетнаго Члена Московской Духовной Академіи.“

Увѣдомляя о семъ, покорнѣйше прошу Совѣтъ принять искреннѣйшую мою благодарность за высокую честь, которой Совѣтъ великодушно изволилъ меня удостоить“.

Опредѣлили: Письма хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи.

V. Отношенія Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода:

а) отъ 8 марта за № 1678: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 28 февраля 1901 г. докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Московской духовной академіи Петръ *Мининъ* опредѣленъ на должность преподавателя Священнаго Писанія въ Орловскую духовную семинарію“.

б) отъ 22 марта за № 2206: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 7 марта 1901 г. докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Москов-

ской духовной академіи Петръ *Артамоновъ* опредѣленъ на должность учителя русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ старшіе классы Раненбургскаго духовнаго училища“.

в) Отъ 19 апрѣля за № 3110: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 12 апрѣля 1901 г. докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Московской духовной академіи Павелъ *Успенскій* опредѣленъ на должность учителя латинскаго языка въ Ишимское духовное училище.

Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода долгомъ поставляетъ сообщить о семъ Совѣту академіи для свѣдѣнія и зависящаго распоряженія“.

Справка: По распоряженію Преосвященнаго Ректора Академіи всѣмъ вышепоименованнымъ лицамъ дано знать о назначеніи ихъ на духовно-учебную службу, а о перемѣщеніи кандидата Петра Минина, состоявшаго профессорскимъ стипендіатомъ Академіи,— дано знать и Правленію Академіи, для зависящихъ распоряженій.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VI. Вѣдомость Преосвященнаго Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ за мартъ мѣсяцъ текущаго года, изъ которой видно, что а) *по болѣзни*: исправляющій должность доцента и лекторъ англійскаго языка Илья Громогласовъ опустилъ 8 лекцій, заслуженный ординарный профессоръ Василій Ключевскій, экстраординарные профессора Алексѣй Введенскій и Анатолій Спасскій — по 4 лекціи, заслуженный ординарный профессоръ Петръ Цвѣтковъ, экстраординарные профессора Героевъ Татарскій, Александръ Шостынь и Василій Мышцынь — по 2 лекціи и экстраординарный профессоръ Иванъ Андреевъ — 1 лекцію; б) *по семейнымъ обстоятельствамъ*: экстраординарный профессоръ Анатолій Спасскій — 3 лекціи и ординарный профессоръ Николай Заозерскій — 2 лекціи“.

Опредѣлили: Вѣдомость записать въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

VII. Прошеніе экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ патристики Ивана *Попова*:

„Трудно изобразить въ немногихъ словахъ громадныя

успѣхи, достигнутые въ послѣднее время западной наукой въ области изслѣдованія памятниковъ патристической литературы. Дружные усилія ученыхъ направляются къ изслѣдованію извѣстнѣйшихъ книгохранилищъ, изученію хранящихся тамъ древнихъ манускриптовъ, составленію ихъ описаній и каталоговъ. Тщательно изучаются далѣе древніе переводы святоотеческихъ твореній на языки сирскій, арабскій, армянскій, эіопскій, славянскій. Изслѣдованіе рукописей и древнихъ переводовъ твореній отцовъ церкви дало уже обильные плоды. Оно привело къ открытію многихъ неизвѣстныхъ донинѣ памятниковъ патристической литературы, которые не только освѣщаютъ намъ жизнь древней церкви съ новыхъ сторонъ, но оказываютъ незамѣнимыя услуги въ дѣлѣ правильнаго истолкованія уже извѣстнаго намъ научнаго матеріала. Оно оживило въ послѣднее время ученую дѣятельность по пересмотру и переизданію уже извѣстныхъ текстовъ твореній отцовъ церкви. Я не буду уже говорить о нерѣдко появляющихся прекрасныхъ критическихъ изданіяхъ отдѣльныхъ произведеній патристической литературы или твореній одного какого-нибудь автора. Они предпринимаются частными лицами, и ихъ выходъ въ свѣтъ иногда обусловливается случайными причинами. Гораздо важнѣе систематическіе труды на этомъ поприщѣ двухъ издательскихъ комиссій, учрежденныхъ при академіяхъ наукъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Первая уже выпустила въ свѣтъ цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ критическихъ изданій сочиненій западныхъ церковныхъ писателей. Вторая, поставившая своей задачей пересмотръ и переизданіе твореній греческихъ писателей, возникла позднѣе, но работаетъ еще энергичнѣе и успѣшнѣй. Эта оживленная издательская дѣятельность западныхъ ученыхъ представляетъ собою обидный контрастъ съ тѣмъ мертвеннымъ затишьемъ, которое характеризуетъ въ данномъ отношеніи русскую богословскую науку. Хранящіяся въ Россіи сокровища рукописей остаются неизданными, даже неиспользованными и неизслѣдованными съ патристической точки зрѣнія. Живымъ упрекомъ для русскихъ ученыхъ являются цѣнныя патристическія открытія, извлеченныя изъ русскихъ хранилищъ иностранцами и впервые увидѣвшія свѣтъ за границей на чужомъ языкѣ.

Не менѣе энергично занимаются въ Германіи и изученіемъ

содержанія патристической литературы. Ежегодно патрологія обогащается многочисленными монографическими изслѣдованіями. Для научных трудовъ по патрологіи, для разнаго рода наблюденій и простыхъ замѣтокъ существуетъ длинный рядъ специальныхъ изданій. Въ одной Германіи насчитывается до десяти такихъ специальныхъ изданій. Замѣчательно, что въ этой дружной работѣ богослововъ принимаютъ самое живое участіе и другіе спеціалисты. Вильманнъ, Ибервегъ, Гейнце, Виндельбандъ, Ойкенъ изучаютъ патристическую литературу со стороны ея философскаго содержанія и отношенія къ древней и новой философіи. Труды филологовъ Шанца, Вольфлина, Веймана, Рейнгольда, Дитриха, Нордена значительно обогатили наши свѣдѣнія о языкѣ и литературныхъ формахъ сочиненій церковныхъ писателей.

Оживленію и успѣхамъ изученія патристической литературы на Западѣ много содѣйствовало строго-научный историческій методъ, который все болѣе и болѣе упрочивается въ патрологіи. Темною стороною церковно-исторической науки на Западѣ нерѣдко являлась вѣроисповѣдная предзанятость, которая ради торжества конфессіональных вѣрованій перетолковывала совершенно ясный смыслъ патристическихъ свидѣтельствъ. Католики подъ названіемъ исторіи догматовъ писали просто католическую догматику и, не различая подлоговъ и интерполяціи, извлекали изъ святоотеческихъ твореній доказательства для всѣхъ римскихъ измышленій. Протестанты, наоборотъ, тенденціозно отрицали подлинность опровергающихъ ихъ ученіе твореній отцовъ церкви и оспаривали даты, установленныя церковнымъ преданіемъ для важнѣйшихъ памятниковъ древне-христіанской письменности. Все это обусловливалось тѣмъ, что не изслѣдованіе отдѣльныхъ памятниковъ и фактовъ опредѣляло собою общіе выводы, а, наоборотъ, общія идеи и конфессіональная предзанятость опредѣляли взгляды на значеніе и смыслъ памятниковъ патристической литературы. Въ настоящее время чисто научный методъ безпристрастнаго изслѣдованія частностей и фактовъ завоевываетъ для себя все болѣе и болѣе симпатій и позволяетъ смотрѣть на будущее патрологіи съ самыми свѣтлыми надеждами. Благодѣтельные плоды этого метода уже успѣли обнаружиться во многихъ отрядныхъ явленіяхъ. Благодаря ему ученые самыхъ противополо-

ложныхъ лагерей сходятся на однихъ и тѣхъ же общепризнанныхъ научныхъ выводахъ. Нѣкоторые вѣковые споры между католиками и протестантами рѣшены и при томъ въ смыслѣ благопріятномъ для церковнаго преданія. Этотъ методъ у самого Гарнака вынудилъ знаменательное сознание: „въ критикѣ источниковъ древнѣйшаго христіанства мы безъ сомнѣнія отступаемъ назадъ къ даннымъ церковнаго преданія“. Наконецъ, плодомъ упроченія этого метода въ наукѣ было полное паденіе школы Баура, надѣлавшей въ свое время столько шума и вреда.

Не менѣе плодотворнымъ для развитія патрологіи на Западѣ является то обстоятельство, что посѣтители германскихъ университетовъ имѣютъ полную возможность ознакомиться въ нихъ съ различными развѣтвленіями наукъ вспомогательныхъ. Еще на студенческой скамьѣ ихъ систематически знакомятъ съ бібліотеками, въ которыхъ хранятся цѣнныя рукописи, съ греческой и латинской палеографіей, благодаря чему молодыя ученые силы, выступая на поприще науки, не осуждены двигаться ощупью и до всего доходить личными усиліями и изобрѣтательностію, а оставляютъ школу въполнѣ подготовленными къ научному труду и вооруженными научнымъ опытомъ. Далѣе слѣдуетъ исторія греческаго и латинскаго языка, знаніе которой такъ необходимо для самостоятельнаго изученія патристической литературы. Вѣрное пониманіе патристической литературы возможно, конечно, только при изученіи ея въ связи со всею умственной жизнію эпохи ея возникновенія и процвѣтанія. Этой цѣли въ германскихъ университетахъ служатъ отдѣльные курсы для общей исторіи греческой и римской литературы, исторіи философіи, исторической географіи, исторіи государственнаго управленія Греціи и Рима, исторіи древней риторики и поэзіи, оказавшихъ свое вліяніе на гомилетическія и поэтическія произведенія отцовъ церкви.

Наконецъ, своими научными успѣхами Западъ обязанъ самой постановкѣ преподаванія, которая передаетъ молодымъ ученымъ силамъ научные методы, развиваетъ въ нихъ интересъ къ дѣлу и вдохновляетъ къ научнымъ трудамъ. Лекціонная система преподаванія уравновѣшена и дополнена въ германскихъ университетахъ системой семинарій и практическихъ занятій подъ руководствомъ опытныхъ профессо-

ровь. Такъ, преподаваніе палеографіи состоитъ не въ сооб- щеніи одной только теоріи, но сопровождается упражненіемъ въ чтеніи и опредѣленіи древности образцовъ. Преподаваніе церковной исторіи и патрологіи связано съ чтеніемъ и на- учнымъ анализомъ важнѣйшихъ отрывковъ и цѣлыхъ про- изведеній патристической литературы. Въ послѣднее время много говорятъ о недостаткахъ лекціонной системы препо- даванія и о необходимости введенія практическихъ занятій. Нельзя не признать этихъ сужденій вполнѣ основательными. Но если система практическихъ занятій полезна при изуче- ніи всякой науки вообще, то она положительно необходима въ преподаваніи всѣхъ видовъ исторіи литературы. Какъ бы талантливо и вѣрно ни излагалась система идей извѣстнаго автора, слушатель обыкновенно выноситъ лишь отвлеченное понятіе о его литературныхъ трудахъ. Научный анализъ по необходимости разрушаетъ литературное цѣлое и не можетъ воспроизвести тотъ живой духъ, который вѣетъ въ каждой строкѣ, когда знакомишься съ литературнымъ произведеніемъ лично. Оттого одно чтеніе искусно выбранныхъ отрывковъ даетъ учащимся болѣе живое понятіе объ изучаемомъ ав- торѣ, чѣмъ многотомное изслѣдованіе о немъ. Лекціонная система не можетъ дать учащимся даже и хорошаго зна- комства съ методомъ разработки науки, не рискуя сдѣлать чтенія крайне скучными и сухими. Лекторъ не можетъ об- наружить предъ своей аудиторіей всю ту черновую работу, которая привела его къ извѣстнымъ выводамъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ вниманіе его слушателей скоро исто- щилось бы, будучи подавлено дробными частностями, засло- няющими главное. Съ другой стороны изложеніе однихъ только выводовъ страдаетъ догматизмомъ и не даетъ поня- тія о томъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ историческими па- мятниками. Практическія занятія даютъ возможность зна- комить аудиторію какъ съ живымъ обликомъ писателя, такъ и съ научными приѣмами анализа его сочиненій.

Искреннее желаніе принести посильную пользу отечествен- ной богословской наукѣ и послужить дѣлу улучшенія пре- подаванія патристики въ Академіи внушаетъ мнѣ мысль посвятить слѣдующій 190¹/₂ учебный годъ пополненію сво- ихъ знаній, а также ознакомленію съ методами преподаванія и особенно съ постановкою практическихъ занятій по пат-

ристикъ въ германскихъ университетахъ подъ руководствомъ извѣстнѣйшихъ специалистовъ. Опытъ показалъ мнѣ, насколько необходимы для правильнаго пониманія патристической литературы и для опроверженія ея перетолкованій обширныя познанія въ упомянутыхъ ранѣ вспомогательныхъ наукахъ, знакомящихъ со всею культурною жизнію греко-римскаго міра. По мѣрѣ того, какъ я подвигался впередъ въ своемъ изученіи патристической литературы и приближался къ ея византійскому періоду, предо мною все болѣе и болѣе выяснялась необходимость пополнить свои знанія въ исторіи древнихъ языковъ. Намѣреваясь приступить къ нѣкоторымъ работамъ по рукописнымъ матеріаламъ, я хотѣлъ бы предварительно пройти практическій курсъ палеографіи подъ руководствомъ опытнаго специалиста. Мысль о необходимости измѣненія лекціоннаго метода преподаванія патристики и введенія практическихъ занятій по этому предмету давно занимаетъ меня. Но когда я думаю о самомъ выполненіи этого плана, въ моемъ сознаніи встають различныя затрудненія. Хорошо понимая, какъ легко повредить этому благому дѣлу въ самомъ началѣ различными ошибками въ его практическомъ осуществленіи, я желалъ бы предварительно воспользоваться обширнымъ опытомъ страны, гдѣ этотъ методъ преподаванія приносить такіе обильные плоды.

Въ виду всего изложеннаго я покорнѣе прошу Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ высшею духовною властію о командированіи меня за границу на слѣдующій 190^{1/2} учебный годъ и вмѣстѣ съ тѣмъ усердно прошу объ исходатайствованіи мнѣ возможнаго пособія для проѣзда и жизни за границей“.

Опредѣлили: Признавая просьбу экстраординарнаго профессора Ивана Попова заслуживающей уваженія и находя, что отъ заграничной командировки его для учебнаго дѣла въ Академіи не представляется никакихъ неудобствъ, просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ увольненіи профессора Попова на будущій 1901—1902 учебный годъ съ научною цѣлью за границу и объ отпускѣ ему, сверхъ получаемаго по службѣ содержанія, пособія на поѣздку въ размѣрѣ, какой благоугодно будетъ опредѣлить Святѣйшему Синоду.

VIII. а) Утвержденное къ исполненію опредѣленіемъ Ставропольскаго Окружнаго Суда отъ 21 декабря 1899 года духовное завѣщаніе умершаго 22 ноября 1899 года въ губ. городѣ Ставрополѣ Статскаго Совѣтника Алексѣя Ефимовича *Косташъ*, совершенное имъ 15 января 1897 года въ конторѣ Ставропольскаго нотариуса Михаила Иванова:

„Статскій Совѣтникъ Алексѣй Ефимовичъ Косташъ, на случай моей смерти, въ отмѣну ранѣ совершеннаго мною духовнаго завѣщанія у Ростовскаго на Дону Нотариуса Константина Севастьянова восьмого мая тысяча восемьсотъ девяносто пятаго года, за нумеромъ актовой книги тридцать третьимъ, собственно мнѣ принадлежащее недвижимое имѣніе, находящееся на восточномъ берегу Чернаго моря, съ южной стороны, прилегающее непосредственно къ выгонной землѣ посада Туапсе, заключающееся въ участкѣ земли, съ произрастающимъ на немъ лѣсомъ, съ винограднымъ и фруктовымъ садами и возведенными на немъ зданіями, завѣщаю я въ полную собственность Московскои Духовнои Академіи, въ которой я въ свое время окончилъ курсъ, съ тѣмъ, чтобы сказанное мое имѣніе послѣ моей смерти, въ теченіи годового срока, со дня утвержденія настоящаго духовнаго завѣщанія было продано и изъ вырученной за оное суммы одна тысяча рублей была выдана родной моей сестрѣ—женѣ Титулярнаго Совѣтника Екатеринѣ Ефимовнѣ Страшкевичъ, урожденной Косташъ, а въ случаѣ ея смерти ранѣ моей—родной племянницѣ моей, вдовѣ Подполковника Елизаветѣ Владиміровнѣ Поповой, а другая тысяча рублей была выдана другой родной моей сестрѣ, также урожденной Косташъ, вдовѣ священника Аннѣ Ефимовнѣ Ковалевскои, а въ случаѣ ея смерти ранѣ моей—родной дочери ея, а моей племянницѣ Александрѣ Андреевнѣ Ковалевскои; остальную затѣмъ, вырученную чрезъ продажу означеннаго имѣнія, сумму оставить въ полное распоряженіе сказанной Академіи, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ опредѣленной части той суммы содержался въ продолженіи каждаго полнаго курса одинъ изъ лучшихъ бѣднѣйшихъ воспитанниковъ оной, съ присвоеніемъ ему, по испрошеніи установленнаго разрѣшенія, моей фамиліи, такъ какъ я не имѣю дѣтей: проценты же на остальную часть сказанной суммы, если таковая окажется, должны быть вносимы въ Братство Препо-

добнаго Сергія при той Академіи и употребляемы на вспомошествованіе нуждающимся студентамъ Московской Духовной Академіи и нуждающимся бывшимъ воспитанникамъ оной, съ тѣмъ чтобы Правленіе Академіи и Братство внесли въ свои диптихи имя мое и имена моихъ умершихъ родителей: іерея Ефимія, Марѳы и ближайшихъ родственниковъ: іерея Алексѣя, Елены, іерея Стефана, іерея Михаила, Екатерины, Евдокии, протоіерея Павла, Екатерины, Анны и Екатерины. Цѣну завѣщанному имуществу предоставляю опредѣлить послѣ моей смерти“.

б) Сообщение *Правленія Академіи* о томъ, что завѣщанное въ пользу Академіи умершимъ въ г. Ставрополѣ Статскимъ Совѣтникомъ Алексѣемъ Ефимовичемъ *Косташъ* недвижимое имѣніе близъ посада Туапсе, Черноморской губерніи, продано Правленіемъ вдовѣ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Аннѣ Тимоѣевнѣ Карповой за 20800 рублей, на каковую сумму, за вычетомъ изъ нея 5656 руб. 7 коп. на расходы по выполненію условій духовнаго завѣщанія А. Е. Косташъ, по освобожденію завѣщаннаго имущества отъ долговыхъ обязательствъ, по содержанію служащихъ въ имѣніи и продажѣ послѣдняго, приобрѣтены Правленіемъ три свидѣтельства Государственной 4⁰/₁₀₀ ренты за №№ $\frac{178}{с. 214}$, $\frac{337}{с. 205}$ и $\frac{915}{с. 31}$ по 5000 рублей каждое, всего на сумму *пятнадцать тысячъ рублей (15000 р.)*, которыя по опредѣленію Правленія Академіи отъ 23 февраля текущаго года, утвержденному резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 6 марта 1901 года, и причислены къ неприкосновенному капиталу Академіи на предметъ учрежденія при оной стипендіи имени завѣщателя.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ учрежденіи при Московской Духовной Академіи стипендіи имени покойнаго Статскаго Совѣтника Алексѣя Ефимовича Косташъ. 2) Представить установленнымъ порядкомъ на благоусмотрѣніе и утвержденіе Святѣйшаго Синода слѣдующій проектъ положенія объ означенной стипендіи:

§ 1.

На проценты съ капитала, вырученнаго отъ продажи завѣщаннаго въ пользу Московской Духовной Академіи недви-

жимаго имѣнія близъ посада Туапсе, Черноморской губерніи, и заключающагося въ трехъ свидѣтельствахъ Государственной 4⁰/₀ ренты на сумму *пятнадцать тысячъ рублей (15000 р.)*, учреждается при Академіи стипендія имени завѣщателя — Статскаго Совѣтника Алексѣя Ефимовича Костащъ.

§ 2.

Капиталь этотъ составляетъ неотъемлемую собственность Московской Духовной Академіи и хранится вмѣстѣ съ прочими принадлежащими ей капиталами, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3.

Стипендія назначается Совѣтомъ Академіи, съ утвержденія Епархіальнаго Преосвященнаго, одному изъ лучшихъ бѣднѣйшихъ студентовъ I курса Академіи, на четыре года.

§ 4.

Размѣръ стипендіи опредѣляется въ *двѣсти пятьдесятъ рублей (250 р.)*, изъ коихъ 220 рублей употребляются на ежегодное содержаніе стипендіата въ академическомъ общежитіи, а 30 рублей выдаются ему по окончаніи каждаго учебнаго года на руки для приобрѣтенія полезныхъ книгъ и на удовлетвореніе другихъ нуждъ.

§ 5.

Остальная часть процентовъ съ стипендіальнаго капитала въ количествѣ *трехсотъ двадцати рублей (320 р.)* передается ежегодно, согласно волѣ завѣщателя, въ Братство Преподобнаго Сергія для вспомошествованія нуждающимся студентамъ и воспитанникамъ Московской Духовной Академіи.

§ 6.

Въ случаѣ уменьшенія количества процентовъ съ капитала или увеличенія платы за содержаніе стипендіата въ академическомъ общежитіи, соотвѣтствующему уменьшенію подлежитъ сумма, ежегодно отчисляемая Братству Преподобнаго Сергія; размѣръ же стипендіи остается неприкосновеннымъ.

§ 7.

Оставленіе стипендіата въ какомъ-либо курсѣ на второй

годъ, если оно произошло вслѣдствіе болѣзни, не лишаетъ его права на пользованіе стипендіею и въ этомъ году.

§ 8.

Въ случаѣ смерти стипендіата, а также добровольнаго выхода или увольненія его изъ Академіи прежде окончанія имъ полнаго академическаго курса, стипендія считается свободною и назначается другому лицу порядкомъ, указаннымъ въ § 3 сего положенія.

§ 9.

Согласно волѣ завѣщателя къ фамиліи студента, которому будетъ назначена стипендія, прибавляется фамилія „Косташъ“. Студентъ же, пользовавшійся стипендіею въ теченіи всего академическаго курса, имѣетъ право сохранить эту прибавку и по выходѣ изъ Академіи.

§ 10.

Пользованіе стипендіею не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

IX. а) Отношеніе Тульской Духовной Консistorіи отъ 9 марта за № 3599:

„По предложенію церковныхъ старостъ Тульскихъ градскихъ церквей въ 1899 году и согласно опредѣленію Епархіальнаго Начальства, чрезъ о.о. Благочинныхъ, была открыта между старостами епархіи подписка на учрежденіе при Московской Духовной Академіи стипендіи въ память столѣтняго существованія Тульской епархіи на содержаніе одного недостаточнаго студента изъ воспитанниковъ Тульской Семинаріи. Всего отъ церковныхъ старостъ епархіи на сказанный предметъ поступило тысяча пятьсотъ девяносто одинъ рубль и пять копѣекъ (1591 р. 5 коп.).

Вслѣдствіе сего Духовная Консistorія, съ утвержденія Его Преосвященства, препровождая при семь переводный билетъ Тульскаго Отдѣленія Государственнаго Банка отъ 12 марта с/г. за № 1041 на вышесказанную собранную сумму, за исключеніемъ изъ нея восьмидесяти копѣекъ (80 к.) на переводъ, всего въ количествѣ *тысячи пятисотъ девяноста рублей двадцати пяти копѣекъ (1590 р. 25 коп.)*, честь имѣетъ покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи возбудить надлежащее ходатайство о присвоеніи препровождаемому собранному старостами капиталу наименованія „сти-